

АГРОКОМПЛЕКС РОССИИ И ФИНЛЯНДИИ: РЕАЛЬНОСТЬ И БУДУЩЕЕ

Сельское развитие Финляндии: взаимодействие государства, фермеров и науки (возможные уроки для России)

А.М. НИКУЛИН*, И.В. ТРОЦУК**

***Никулин Александр Михайлович** – директор, Центр аграрных исследований РАНХиГС при Президенте РФ. Адрес: 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: nikulin@rane.ru

****Троцук Ирина Владимировна** – заместитель директора, Центр аграрных исследований РАНХиГС при Президенте РФ. Адрес: 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

В статье анализируются история и современность финского сельского развития сквозь призму особенностей взаимодействия финских фермеров, политиков и ученых. После кратко воссозданной хроники двухвековой сельской истории Финляндии акцент сделан на логике финского сельского развития последних двух десятилетий через описание финских политических и академических структур в их повседневном участии в трансформациях жизни страны, в реализации различных экономических и социальных проектов сельского развития. В статье обозначены характеристики междисциплинарной работы финских аграрников – фермеров, ученых и политиков, стремящихся изучать собственные профессиональные ошибки и сделать из них своевременные выводы в целях успешной корректировки устойчивой эволюции аграрного сектора. Упомянув российский исторический опыт сельского развития, авторы ставят вопрос о пользе для России постижений эффективного взаимодействия между мирами политики, науки и сельской жизни, столь характерного для Финляндии.

Ключевые слова: Финляндия, Россия, сельское развитие, фермеры, наука, политика, бюрократия

«Фермеры больше не основной класс финского общества, даже в самых отдаленных сельских районах. Их объединения... утратили прежнее социальное и политическое влияние, а кооперативы – монополию

на производство продуктов питания и экономическое доминирование. Лесная промышленность уступила свои позиции информационно-технологической отрасли. В экономике страны фермерство играет второстепенную роль, даже если мы говорим исключительно о сельских территориях. Прежняя крестьянская культура и ее элементы в жизни семейных фермерских хозяйств постепенно вытесняются новой сельскостью, иным отношением к окружающей природе и иным пониманием «хорошей жизни» – крестьянский сельский мир превращается в рекреационный. Фактически он уже безвозвратно утрачен, пусть даже как никогда прежде ценится и любим»
*Л. Гранберг, М. Пелтонен*¹

Сельское развитие Финляндии, территории еще два века назад являвшейся одной из самых отсталых в Европе, а в XXI в. ставшей образцом успешности для всего мира, безусловно, заслуживает внимательного изучения. Всестороннее исследование подобного «образца» особенно полезно для России, где до сих пор широко распространено мнение об исключительности российского географического положения, исторического становления, политэкономического состояния и т.д., уникальности, якобы делающей Россию не схожей со всеми остальными странами мира, а потому и не желающей усваивать, возможно, и интересный, но, в конечном счете, бесполезный в отечественных условиях зарубежный опыт². Полемизируя с такой точкой зрения и прекрасно осознавая, что в сравнении маленькой Финляндии и большой России мы найдем много ярких различий – национальных и конфессиональных, экономических и культурных, но с другой стороны, мы не вправе не отметить и ряд характерно явных сходств, делающих сопоставление двух стран все-таки удивительно интересным и безусловно полезным.

Начнем со сравнения ряда фундаментальных географическо-политико-исторических черт двух государств. Внимательно всматриваясь в физико-географические и социально-географические карты России и Финляндии мы могли бы, обобщая их сходства, заявить, что в географическом смысле Финляндия – это Россия, уменьшенная (по контурам территории и конфигурации расселения) приблизительно в 50 раз, вытянувшаяся по земной поверхности не в горизонтальном, а в вертикальном направлении. Для обеих стран характерен суровый климат, заставляющий население концентрироваться в Финляндии на юге, а в России – на юго-западе. Они обладают значительными редконаселенными северными территориями, занимающими фактически две трети их пространств. В обоих случаях велика политико-демографическая роль столиц: демографиче-

¹ [Granberg, Peltonen 2001, s. 305].

² Попытка продуктивно преодолеть подобного рода российский изоляционизм предпринята в [Мы и они. Россия в сравнительной перспективе 2005]. В этой книге речь идет о многообразном сравнении России с несколькими странами, включая Финляндию. К сожалению, акцент в книге сделан по преимуществу на макроэкономические показатели, и сельский компонент в ней чрезвычайно мал. Еще более концентрированное исследование проблемы российско-финских различий дано в монографии [Олус, Хелантера 2004]. Но, к сожалению, и в этой книге авторы в сравнительном анализе конкурентоспособности фактически не затрагивают российско-финскую сельскую сферу.

ская доля полумиллионного Хельсинки и пятнадцатимиллионной Москвы примерно одинакова и количественно составляет десятую часть всего населения.

Говоря о России и пытаясь объяснить тягостную косность ее развития, исследователи правильно ссылаются на исключительный драматизм ее истории, связанный с веками иноземного угнетения и собственного рабства, с катастрофичностью великих внешних и внутренних войн. Однако напомним, что и Финляндия находилась в иноземной зависимости (сначала шведской, а потом и российской) почти пятьсот лет, став политически свободной лишь в 1917 г.; и в Финляндии бушевала кровопролитная Гражданская война между «красными» и «белыми» в 1918–1919 гг.; и Финляндия чудовищно пострадала в годы Второй мировой войны, начав героической обороной в одиночку и закончив ее в руинах, обязанная выплачивать многолетние тягостные контрибуции победителю.

Со второй половины XX в. и фактически до сих пор маленькая Финляндия неуклонно стремится оставаться государством всеобщего благосостояния, страной широких социальных гарантий, бесплатного образования, доступной медицины, не предавая этих гуманитарных идеалов, как ее великий восточный сосед. В отличие от России, не имея ни нефти, ни золота, ни драгоценных и прочих редкоземельных металлов, а также гигантских плодородных черноземов, но походя на Россию лишь национальной склонностью к алкоголизму, Финляндия в настоящее время имеет одну из самых динамичных, высокотехнологичных, экологически чистых экономик мира.

В недавнем прошлом, до середины XX в., обе страны, являясь по преимуществу крестьянскими, именно за счет села стремились модернизировать и развивать свои экономики. Но в современности они сталкиваются с неуклонным исходом сельского населения, особенно молодежи, в города, проблемами поддержки и развития аграрной инфраструктуры. В настоящее время доля этого населения в обоих государствах приблизительно одинакова и, кстати, весьма значительна по меркам ведущих развитых стран мира: по разным оценкам, с учетом региональной специфики она колеблется в России и Финляндии между 20% и 30%. Но значительно качественно и количественно различаются между собой производительность труда, развитость инфраструктуры, возможности рекреации, в конечном итоге сам сельский образ жизни в России и Финляндии, конечно, не в лучшую для России сторону [*Нефедова 2011*].

Учитывая, что до сих пор в обеих странах ценности жизни на селе, значение их роли в национальном развитии оцениваются чрезвычайно высоко в идеологическо-культурном дискурсе, необходимо проанализировать особенности драматических успехов сельского развития Финляндии, поставив вопрос о причинах системных неудач такого в России. На наш взгляд, главной причиной финского процветания, в отличие от России, стало постоянное стремление финских политиков, ученых и фермеров к консенсусу. В статье мы постараемся реконструировать историю и современность финского развития, рассмотрев мнения и поведение финских политических и научных элит *в их взаимодействии* с фермерами. Подобное взаимодействие, несомненно, – долговременная стратегия устойчивого сельского развития.

История и современность финского сельского развития

С географической точки зрения Финляндия представляет собой довольно обширные и столь же пустынные территории с малыми городами и сельскими общи-

нами, демонстрирующие значимые региональные различия. По мнению финских ученых, сельская Финляндия – исключительный пример характерного для скандинавских стран исторического пути, специфика которого обусловлена пограничным географическим расположением, суровым и влажным климатом, замедленной урбанизацией и запоздавшей индустриализацией [Granberg, Peltonen 2001].

Интенсивная урбанизация началась в стране в 1960-х гг. и не только запустила традиционные процессы (миграционный отток молодежи в города), но и достаточно специфическим образом трансформировала облик финских территорий. Сами финны нередко иронизируют, что иностранцам их города кажутся лишь некоей сельской агломерацией, а деревни – пустующими, тогда как на окраинах лесов и болот, иногда в довольно неожиданных местах, можно встретить фермеров, которые когда-то, давным-давно, построили здесь дома и расчистили поля, но прекрасно обходятся без каких-либо коллективных форматов деревенских поселений. Впрочем, эти одиноко стоящие посреди почти дикой природы фермы тесно связаны с застроенными городскими центрами невероятно плотной сетью дорог, призванной обслуживать запросы лесного хозяйства. Соответственно, и округа местного самоуправления в Финляндии могут быть очень небольшими (в самом маленьком округе в материковой части страны проживает всего 1200 жителей, в островной части – лишь 200), однако это не мешает им эффективно организовывать локальные модели демократического управления, строить школы, спортивные площадки, другие значимые объекты социальной инфраструктуры и пр.

Для финского национального самосознания сельская местность – не просто исконная и традиционная форма жизнедеятельности, но и основа специфического финского умястроения в обозримой исторической перспективе. Исследователи выделяют множество самых разнообразных компонентов финской ментальности (в частности, деревни до сих пор воспринимаются не только как место для жизни и ведения бизнеса, но и как особое социокультурное и личностно значимое пространство), поэтому назовем лишь наиболее беспристрастно эмпирически фиксируемые и значимые для сельского развития: высокая эффективность и доходность мелких фермерских хозяйств в Финляндии базируются, в том числе, и на *многоплановой и многоуровневой системе кооперации*.

Дело даже не в том, что первый межфермерский кооператив был создан в стране еще в конце XIX в., что кооперативы по модели своей организации и функционирования напоминают акционерные общества, что они решают все типы сельскохозяйственных задач (от сбора урожая, его переработки и реализации до получения информационно-консультационных услуг и т.д.), что в стране сложились устойчивые столетние традиции отраслевой сельскохозяйственной кооперации, но и в том, что здесь широко развита взаимопомощь фермеров при выполнении самых разных работ. Например, фермеры сообща покупают технику, оказывают разнообразные услуги соседям, сообща работают в пиковый период и пр., причем кооперирование далеко не всегда получает юридическое оформление, т.е., по сути, в финском обществе широко развита кооперация в обеих моделях своего существования – как официальная организационная форма, так и устойчивый неформальный паттерн повседневного социального взаимодействия. Кроме того, во многих финских деревнях в 1970-х гг. начали создаваться так называемые «добровольные деревенские комитеты» для совместного решения жителями значимых вопросов общественной жизни (к концу 2000-х гг. их насчитывалось уже порядка 4000). После вступления в Евросоюз государство заставило те из них, которые все

еще функционировали на неформальной основе, пройти процедуру официальной регистрации исключительно с целью вовлечения их в финансируемую проектную деятельность.

Устойчивые традиции кооперации – это основа финской аграрной политики. Здесь, возвращаясь к российской истории, мы должны упомянуть о значении кооперации для устойчивого сельского развития России начала XX в. Успехи отечественной кооперации тогда, безусловно, были связаны с продуктивным взаимодействием крестьянства, интеллигенции, а также наиболее ответственной части чиновников как в столыпинских, так и в ленинских реформах. Сталинизм нанес ужасный удар по этому взаимодействию. Но до сих пор в мире и в Финляндии помнят российскую кооперацию, связанную, например, с именем А.В. Чаянова. Как в России, так и в Финляндии, в аграрных областях существенно ниже уровень ресурсов (финансовых, организационных, интеллектуальных и социальных) для развития, поэтому их приходится сначала изыскивать, а потом формировать необходимую для реализации проектов сельского развития собственную «критическую массу», что требует тщательного исследования местных условий, привлечения широкого спектра заинтересованных частных лиц и организаций и налаживания эффективного взаимодействия [Huuryläinen 2010].

Будучи основополагающим фактором финского национального устроения и социального самочувствия, сельская местность на протяжении всей финской истории (особенно начиная со второй половины XX в.) оказывалась в центре «великих трансформационных процессов, которые финны коллективно пережили и засвидетельствовали» [Huuryläinen 2009, s. 91]. Засвидетельствовали, безусловно, не только на уровне коллективных социальных представлений, но и в рамках научного дискурса. В последнем случае исследования агротерриторий, проводимые финскими учеными, можно условно разбить на три этапа, границей между которыми служат значимые исторические события [Huuryläinen 2009]: 1) период социальных исследований деревни в Финляндии (как аграрной стране) до середины XX в. (1860–1959 гг.); 2) период изучения сельской области в эпоху становления государства всеобщего благосостояния (1960–1989 гг.); 3) период так называемой «новой сельскости», характеризующийся ярко выраженной ориентацией на принципиально новые проекты и модели развития этих территорий (1990 г. – настоящее время).

Прежде чем перейти к краткой характеристике каждого из выделенных этапов, следует все же обозначить ключевые векторы развития страны до середины XIX в., когда собственно и началась периодизация государственно-научно-общественного интереса и бурных дискуссий о траекториях сельского развития. И сразу следует отметить, что *государство всегда, начиная с середины XVIII в., играло важнейшую роль в аграрном развитии Финляндии*, даже когда она являлась частью Швеции [Granberg, Peltonen 2001].

Государственные меры по защите и сохранению крестьянства в скандинавских странах были разнообразны, но в основном фокусировались на прослойке, платившей налоги и владевшей земельными участками, в ущерб менее экономически успешным группам сельского населения. Наиболее значимой государственной реформой в отношении крестьянства следует признать огораживание XVIII в., специфические характеристики которого явно отличают его от аналогичных процессов в Англии и других европейских странах, – это центральная роль государства,

методичное и бесконфликтное претворение реформы в жизнь, в том числе благодаря поддержке зажиточной части крестьянства, и компромиссный характер (земельная собственность крестьянского хозяйства могла быть разделена на несколько частей).

За процессами огораживания, начавшимися в Швеции в 1757 г., последовали новые реформы в интересах крестьянства. В частности, в 1789 г. все права владеющего землей крестьянства были закреплены в специальном законе, призванном защищать его интересы. Большое значение для реализации внушительного набора преобразований имела высокая цена на зерно, которая сыграла на руку крупным производителям, хотя большинство реформ и так проводилось именно в их интересах. Политика ценообразования на зерновые способствовала развитию сельского хозяйства, и лишь самые отдаленные районы Финляндии, получившие в 1809 г. особый правовой статус (частичную автономию) в рамках Российской империи, время от времени испытывали экономические трудности. Благодаря высоким доходам в селах были расчищены новые земельные участки, созданы дренажные системы; власти и землевладельцы всячески поддерживали заключение браков между безземельными крестьянами, вследствие чего численность местного населения стала быстро расти, как и его внутренняя дифференциация. В результате аграрных реформ XVIII в. в Финляндии возникла группа крестьян-землевладельцев, которая постепенно превратилась в активного социального актора [*Granberg, Peltonen 2001*].

Социальные исследования деревни в Финляндии как аграрной стране (1860–1959)

К началу трансформаций аграрного хозяйства в 1860-х гг. двое из трех финских фермеров все еще жили на небольших фермах с менее чем 10 гектарами обрабатываемых земель. К 1870 г., на начальных этапах урбанизации и индустриализации, Финляндия представляла собой аграрную страну, состоявшую из 34 небольших городков, в которых жили лишь 8% населения, а остальные 92% финнов были крестьянами. И хотя с этого времени их доля в целом начала неуклонно уменьшаться, Финляндия оставалась по преимуществу страной традиционных деревенских общин вплоть до конца 1950-х гг.

Уже во второй половине XIX в. в финскую деревню активно устремилась интеллигенция: первоначально доминирующей мотивацией было не столько изучение основ жизни и понимание повседневного сельского знания как такового, сколько поиск и обретение в финской деревне фундамента для укрепления и роста национальной идентичности и культуры. Финские антропологи, историки, географы и статистики, работая в деревне, не только накапливали ценнейший исследовательский материал для познания общества, но и способствовали распространению успешных сельскохозяйственных приемов и практик, становлению и институционализации местного самоуправления, росту и расширению кооперативного движения. Особое значение в рамках этого «хождения в народ» имели социальные исследования на рубеже XIX–XX вв., связанные с анализом жизни безземельного населения, вопросов земельной собственности крестьян и фермеров-арендаторов. Позже, с начала 1920-х гг., акцент в исследованиях стал делаться на изучении и описании деревни как единого, целостного, базового института в структуре воспроизводства экономики и культуры Финляндии.

Что касается объективных экономических реалий, на фоне которых развивались социальные исследования финской деревни, то следует отметить следующее [Granberg, Peltonen 2001]: в конце XIX в. мировой сельскохозяйственный рынок стал быстро расти, но Финляндии было сложно соответствовать его новым требованиям по причине запаздывающей индустриализации и урбанизации, что существенно усугубляло ситуацию на ее сельских территориях. В 1880-х гг. арендаторы небольших хозяйств, которые все еще выплачивали основную часть земельной ренты посредством трудовых повинностей, осознали шаткость своего экономического положения, и в начале XX в. по юго-западным районам страны прокатилась волна забастовок сельскохозяйственных рабочих. Важно подчеркнуть, что в Финляндии со времен ее вхождения в состав Швеции крестьянство было представлено в парламенте, крестьяне-землевладельцы участвовали в муниципальном управлении, и вступление страны в состав России не изменило ситуацию, поэтому лишь в конце XIX в. здесь возникли несколько народных движений, преследовавшие, в частности, образовательные цели (например, преподавание на разных ступенях школы на финском языке), а также стремившиеся к созданию профессиональных объединений землевладельцев и местной молодежи. Появление этих и других организаций ознаменовало первый этап становления гражданского общества в финской сельской местности в конце XIX в. Объединения арендаторов сотрудничали с союзами рабочих, молочные кооперативы положили начало кооперативному движению, затем были созданы кооперативные магазины и банки, однако в 1918 г. Гражданская война прервала эту эволюционную линию. После войны был принят закон, запрещающий заниматься сельскохозяйственной деятельностью на арендованных землях, что привело к перераспределению земельной собственности в пользу мелких производителей.

Реформы 1920–1930-х гг. повлекли за собой серьезные последствия, особенно ощутимые после Второй мировой войны [Granberg, Peltonen 2001]: вследствие утраты части территории жители Карелии переселялись в другие районы страны; солдаты, женщины-вдовы и другие группы населения получили лесные и сельскохозяйственные наделы, Лапландия застраивалась. Либерализация затронула более двух третей всех сельскохозяйственных единиц и принципиально изменила формы собственности и арендные отношения. Крестьянство в этот период было сильно как никогда, о чем свидетельствует рост числа и активности крестьянских организаций и формирование аграрной политической партии – Аграрного союза. В 1922 г. и 1936 г. парламент страны принял два закона о приобретении земли, но земельная реформа, по сути, была проведена лишь перед Второй мировой войной, после которой Финляндии пришлось вновь решать земельный вопрос в связи с переселением почти десятой части населения Финляндии из восточной Карелии, которая была отдана Советскому Союзу, а также поскольку почти 100 тысяч финнов потеряли свои дома в Лапландии.

Правительство приступило к разрешению ситуации, расширяя сельские поселения и реализуя (используя прямые дотации и выгодные условия кредитования) проекты рекультивации земель, строительства дорог, возводя дома и другие фермерские постройки на территориях, которые предоставлялись государством, муниципалитетами и местными предприятиями, также были привлечены и фермерские хозяйства – частично на добровольной основе, частично через экспроприацию, что привело к росту числа небольших ферм по сравнению с довоенными показателями.

Варианты развития мелких фермерских хозяйств обсуждались на парламентском уровне с начала 1930-х гг., тогда и была предложена программа государственной поддержки мелких фермеров в закупке удобрений [Granberg 1986]. Правительство приступило к реализации мер по поддержке сельхозпроизводителей через кооперативные банки (они отвечали за предоставление фермерам государственных займов и кредитовали выкупы земли арендаторами и мелкими фермерами), что впоследствии стало устойчивой государственной практикой в расселенческих проектах и программах кредитования фермерских хозяйств [Merl 2006].

В 1940-е гг. были введены региональные формы поддержки и субсидирования мелких фермеров. Чуть позже, в 1952 г., между правительством и фермерами было заключено первое соглашение о доходах от сельскохозяйственной деятельности сроком на один год, а в 1956 г. был принят Сельскохозяйственный акт сроком на три года, и подобный формат взаимодействия государства и фермеров сохранялся на протяжении 40 лет – до вступления Финляндии в Евросоюз. Следует подчеркнуть, что в течение всего этого времени «правительство делало все от него зависящее, чтобы способствовать росту благосостояния на сельских территориях» [Granberg, Peltonen 2001].

Изучение сельской местности в эпоху становления государства всеобщего благосостояния (1960–1989)

В послевоенный период в сельских областях Финляндии начали строиться новые фермы и деревни, производительность достигла своих максимальных значений, внутренний и внешний рынки продуктов сельского и лесного хозяйств росли [Granberg, Peltonen 2001]. Однако в то же время по стране прокатилась волна урбанизации, объемы оплачиваемого труда в сельском хозяйстве сократились почти наполовину уже в 1950-е гг., вследствие чего с 1940-х гг. миграционный отток из сельской местности в города, где современный стиль жизни быстро завоевывал позиции и привлекал молодежь, стал нарастать.

С 1960-х гг. социальная структура традиционных для Финляндии деревенских общин подверглась неумолимому и необратимому разрушению, чему способствовала массовая миграция из сельской местности в города, которые нередко служили лишь перевалочным пунктом для дальнейшего переезда в Швецию, переживавшую в 1960-е гг. настоящий бум социально-экономического развития.

В итоге началась так называемая «великая миграция»: в середине 1960-х гг. уменьшилось число ферм, сотни деревень опустели, поскольку их жители перемещались в города на юге Финляндии и в Швецию.

Как следствие, в стране с середины столетия роль сельского хозяйства как основного источника средств к существованию резко снизилась, а комплексная механизация в аграрном и лесохозяйственном секторах экономики подорвала основы сельской жизни и произвела переворот в организации образа жизни в деревне, высвободив большое количество рабочих рук, оказавшихся лишними на рынке труда. В село пришло государство всеобщего благосостояния, готовое окружить его заботой, но в собственном понимании [Пуу, Rannikko 1995]. Впрочем, в это же время начали раздаваться громкие голоса критической оппозиции, заявившие, что финское село деградирует именно под воздействием новых экономических

и культурных перемен, которые безвозвратно меняют сам финский пейзаж. Кроме того, Финляндия проводила так называемое *«регулируемое раскрестьянивание»*, т.е. весьма ограничено использовала меры социальной политики: так, государство гарантировало поддержку лишь небольшим группам населения в случае заболевания, нетрудоспособности или безработицы, хотя, безусловно, его роль в жизни сельских территорий постепенно росла (но была не столь значима, как роль муниципалитетов). В частности, помимо строительства объектов социальной инфраструктуры даже в самых удаленных районах (вполне в духе идеологии государства всеобщего благосостояния), законодательством были предусмотрены субсидии как для ферм, расположенных в наименее пригодных для ведения хозяйства районах, так и для всех мелких производителей с низким уровнем доходов.

В середине 1960-х – начале 1970-х гг. в Финляндии были приняты принципиально важные для реформирования экономики государства законы о школьном образовании, здравоохранении и детстве, призванные обеспечить единые стандарты жизни по всей стране, следствием чего стало увеличение количества муниципальных (несельскохозяйственных) вакансий в сельских районах. В итоге в местных муниципалитетах начал расти средний класс, особенно в сферах образования и здравоохранения, что в свою очередь привело к созданию новых региональных институтов и университетов для подготовки специалистов сферы услуг и обеспечило сбалансированное региональное развитие Финляндии.

Тем не менее критические нападки на используемые правительством подходы к реформированию деревни продолжались. Так, в 1970-е гг. социально и даже социалистически ориентированные ученые, которые в значительной степени придерживались критического марксистского направления, старались сформулировать конкретные рекомендации, как должны развиваться финские сельские области в концепции так называемой *«меняющейся деревни»*, чтобы противостоять разрушительному воздействию капиталистического развития. В 1980-е гг. предпринимались неоднократные академически фундированные попытки комплексного изучения вопросов села в целях оптимизации векторов его социально-экономического развития, поскольку, несмотря на интенсивную урбанизацию 1960-х гг., в 1980-х гг. треть финского населения оставалась жить в сельской местности. Финальным аккордом подобных исследовательских проектов стало выделение значительных финансовых средств на реализацию комплексной программы изучения и развития финского села *«Жизнеспособность»*. В 1989 г. по инициативе Хельсинкского университета в малых городах Миккели и Сейняйоки был основан Институт *«Руралиа»*, специализирующийся на проведении междисциплинарных аграрных изысканий и подготовке исследователей проблем села. Однако к этому моменту *«золотой век»* социально ориентированного государства в Финляндии подошел к своему завершению, совпав по времени с упадком и коллапсом СССР.

«Новая сельскость», или принципиально новые проекты и модели развития сельской местности (1990 гг. – настоящее время)

Тяжелый социально-экономический кризис, в течение длительного времени переживаемый российским соседом, с которым у Финляндии со времен Л.И. Брежнев были выстроены тесные экономические контакты, чувствительно ударил

и по финской экономике. Финляндия в этих условиях обратилась к более рыночно ориентированной социально-экономической политике, результатом которой стало вступление страны в 1995 г. в Евросоюз. Законодательное закрепление государственного вмешательства в жизнь сельских территорий проходило постепенно – в 1990-е гг. были созданы специальная правительственная комиссия и разветвленная сеть региональных научно-исследовательских институтов и организаций развития сельских территорий, однако в целом проблемы села редко привлекали политическое внимание, поскольку в государственной и партийной риторике преобладали сугубо сельскохозяйственные вопросы [Granberg, Peltonen 2001].

Тогда, в первой половине 1990-х гг., казалось, что финская деревня окончательно утратила свои жизненные силы, настолько омертвела, что государственные структуры и ученые стали терять интерес к прежде столь востребованной интеллектуальной и идеологической конструкции «меняющейся деревни». С этого момента внимание финских исследователей переключилось на изучение так называемых «постаграрных» и «постдеревенских» трансформаций сельских районов и целых областей. Перефразируя слова М.И. Кутузова «с потерей Москвы не потеряна Россия», об этих изыскателях можно было бы сказать, что с середины 1990-х гг. они продолжили свои аграрные проекты под девизом «с потерей Финляндии деревенской не потеряна Финляндия сельская».

С конца 1990-х гг. и по сию пору финская сельская наука, в полной мере обретшая междисциплинарный статус и разветвленную институциональную конструкцию, вооружилась множеством принципиально новых по структуре, содержанию, целям и приоритетам проектов развития сельской местности, связанных с генерацией и воплощением в жизнь идей нового сельского районирования. Именно в этот период финский аграрно-академический дискурс обращается к концепциям культурной географии, в результате чего в 1990-е гг. на смену идее «меняющейся деревни» пришла модель «новой сельскости», необходимость которой во многом была обусловлена запросами экономической и культурной адаптации Финляндии к требованиям и нормам Евросоюза.

Статистические данные 1996–1997 гг. показывают, что уже к этому времени почти половина из расположенных в сельской местности предприятий Финляндии преимущественно занималась агрохозяйством и лесозаготовками, но сельское хозяйство обеспечивало лишь 6% трудовой занятости, другие предприятия этих территорий – 4%. В то же время финансовый оборот несельскохозяйственных предприятий в два раза превышал оборот сельскохозяйственных, т.е. даже с учетом прибыли лесозов традиционные источники доходов в сельских областях уступили свои позиции нетрадиционным [MTTL 1998, s. 11–14, 74]. В стране возникло особое настроение – стремление жить в «прекрасных финских пейзажах»; появилось множество фестивалей и мероприятий, основанных на сконцентрированном в сельской местности культурном наследии (например, фолк-фестиваль в Каустинене, гонки на лодках в Сулкаве, региональная гастрономическая ярмарка в Каухайоки и т.д.) [Ekman 1999]; урбанистические ценности и сюжеты, доминировавшие с 1960-х по 1980-е гг., сменились новой волной сельского романтизма (кинофильмы о «великой миграции» 1960-х гг., о жизни лесорубов и популярных артистов, которые выросли или начали свой творческий путь в деревне). «Все это – свидетельство того, что по мере нарастания глобализационных тенденций люди стремятся обрести ощущение стабильности и безопасности в культурной идентичности, основанной на крестьянском прошлом» [Granberg, Peltonen 2001].

В результате этого, в начале нынешнего тысячелетия финские ученые села сфокусировались на фундаментальной разработке следующих *стратегических для изучения и развития сельской местности страны направлений*: 1) изменения и трансформации, переживаемые финским селом; 2) формирование и развитие профессиональных навыков в сельскохозяйственной деятельности; 3) аграрная политика; 4) сельская культура; 5) экологические проблемы сельской местности; 6) развитие предпринимательства в сельских районах. По меркам российской науки количество профессиональных исследователей сельской тематики в современной Финляндии не так велико, хотя не так уж и мало: при численности населения примерно в 5 млн чел. в стране работает 10 профессоров и около 200 ученых (научные работники и аспиранты, в основном с географическим и социологическим образованием), вовлеченных в междисциплинарные проекты понимания и программирования траекторий сельского развития. Попробуем определить, как формируются и каковы эти траектории. Прежде всего, их путь пролегает в осмыслении непрерывного взаимодействия мер аграрной политики с общественным мнением.

Особенности финской сельской политики

По всем объективным параметрам Финляндия находится относительно далеко от глобальных центров мирового рынка. Будучи страной с обширной сельской местностью и с преобладанием малых форм ведения сельского хозяйства, она имеет давнюю традицию рассеянно-рассредоточенного регулирования аграрных процессов и в списке стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР, куда входит большинство развитых экономик мира) занимает третье место по доле сельских территорий (93%), второе – по численности сельского населения (52%) и вкладу сельских районов в ВВП (62%). Причем, если в Центральной Европе территории с преобладанием земледельческих регионов расположены преимущественно между большими и динамичными городскими центрами, то в Финляндии подобных урбанизированных точек как таковых крайне мало, находятся они далеко друг от друга, а финские фермеры с их хуторской системой расселения, как правило, не объединены в крупные агропоселения – большие села и деревни, как в Центральной Европе.

Тем не менее, несмотря на это, границы между городским и деревенским образом жизни в Финляндии очень подвижны, в первую очередь, потому что здесь сельская местность – это, прежде всего, место проживания, а не локализации особого, аграрного, типа производства. Хотя в абсолютных значениях реальная площадь сельскохозяйственного производства в Финляндии сокращается (при этом его концентрация и объем увеличиваются!), около 40% финнов по-прежнему живут в сельских районах, но лишь каждый десятый местный житель занят в агрохозяйстве [Vihinen 2009].

В *политической практике* новейшей истории Финляндии первые государственные документы, посвященные конкретно агрополитике, появились в 1983 г., установив следующие основополагающие принципы [Vihinen 2009]: сельская местность обладает внутренней самоценностью и равновелика альтернативному ей городскому образу жизни, и поэтому существование, доступность и благоустройство этого типа территорий представляет непреходяще и принципиально важное

социальное значение для страны. Соответственно, эти регионы рассматриваются не как некая «глубинка», модифицируемая в современных социально-экономических условиях непредсказуемой игрой неких внутренних и внешних положительных и отрицательных сил, – она обладает собственной волей и специфическим содержанием, а потому, ровно как и в городских районах, здесь необходимо постоянное, продуманное и активное присутствие государства. Главной его целью в рамках аграрного политического курса является обеспечение развития жизнеспособной сельской местности с учетом постоянно меняющихся приоритетов и объективных обстоятельств европейской и мировой экономической системы. Для достижения этой цели, в частности, признается необходимость полноценного включения сельской местности в общенациональную работу государственного и частного секторов экономики, а также обеспечения присутствия и активного влияния «сельской перспективы/точки зрения» на повседневную жизнь финского общества.

В рамках решения поставленных обществом сложных задач финский государственный и научный дискурс определяет сегодня *два типа агрополитики* [Viñinen 2009]: «широкий» вариант направлен на обеспечение взаимодействия сельских районов с различными секторами экономики в интересах развития всего общества; «узкий» включает в себя все механизмы и меры, осуществляемые обществом в интересах развития сельских районов.

Для эффективного сочетания этих типов в Финляндии создан *Комитет по сельской политике*, призванный оптимизировать использование самых разных ресурсов в целях развития села, а именно: продвигать диверсифицированные, многоуровневые и сфокусированные на региональных особенностях модели сельской политики на национальном и международном уровнях; добиваться согласования интересов всех ее административных секторов и субъектов; разрабатывать программы развития, а также реализовывать исследовательские проекты и экспертные оценки в данной области; обеспечивать проведение экспертиз экономической и социальной эффективности программ сельского развития, а также поддерживать все способствующие ему гражданские инициативы; всячески стимулировать частные начинания, призванные повысить занятость и равенство на селе; инициировать и поощрять широкие общественные дискуссии и т.д.

Безусловно, существующая сегодня в Финляндии институциональная структура и целевые приоритеты не могли сложиться сиюминутно: их формирование началось в 1960-х – 1970-х гг., когда в рамках региональной политики фокус сместился на аграрные территории, тогда же были разработаны программы их развития, создано Общество сельского планирования и стали поощряться низовые инициативы в деревнях.

В 1980-е гг. были приняты первые правительственные постановления, и в рамках государственного дискурса институционализировано само понятие «сельская политика», вследствие чего начался бурный рост местных комитетов. В 1988 г. Совет Европы запустил процесс формирования нынешней конструкции аграрного курса Финляндии: до 1991 г. в стране был реализован Проект сельского развития; также была принята первая Программа сельской политики (вторая – в 1996 г., третья – в 2000 г., четвертая – в 2004 г., последняя на сегодняшний день, пятая – на 2009–2013 гг.); функционировал Консультационный комитет (1992–1994 гг.); подготовлен первый правительственный отчет о реализации принятых мер (1993 г.).

С 1995 г., когда Финляндия вошла в Евросоюз, апробированная и доказавшая свою эффективность институциональная структура агрополитики, с одной сторо-

ны, встраивается в глобальные модели развития сельской местности, фактически «европеизируется», поскольку Финляндия начинает участвовать в программах сельского развития Евросоюза, с другой стороны, в соответствующих документах впервые дается определение «широкой» и «узкой» политики на селе и акцентируется внимание на необходимости учитывать региональные особенности сельских территорий в конкретных районах страны.

В частности, была разработана *классификация сельских муниципалитетов*, которая включала в себя три типа (муниципалитеты в пригородных зонах, основные муниципалитеты, малонаселенные муниципалитеты, расположенные, как правило, в удаленных зонах) и позволяла оптимизировать распределение ресурсов для сел, учитывая, например, размещение и особые запросы удаленных и малонаселенных районов. К 2005 г. в Финляндии насчитывалось 432 муниципалитета, каждый из которых отвечал за развитие и благосостояние собственной территории и ее жителей [Hyryläinen 2005, s. 7]. Классификация муниципалитетов была проведена и потому, что, как оказалось, самые маленькие сельские муниципалитеты не могли самостоятельно распоряжаться ресурсами в целях собственного развития и поэтому начали объединяться в функциональные единицы субрегионального уровня, обозначив становление нового субъекта сельского регионального развития и новых дискуссионных площадок для обсуждения стратегий местного развития и придания локальным инициативам законченной формы готовых для реализации на субрегиональном уровне проектов.

В целом *приоритеты финской сельской политики* предельно просты и лаконичны: профессиональная подготовка и переподготовка кадров для села; максимальная диверсификация агроэкономики для оптимального сочетания в ее рамках сельскохозяйственных и несельскохозяйственных видов деятельности; принятие эффективных, комплексных, децентрализованных и устойчивых решений, особенно для малонаселенной глубинки, где неприемлемы подходы без однозначно предсказуемых и прогнозируемых социальных и экономических последствий; влияние на решения и векторы развития общеевропейской аграрного курса для использования ее потенциала в интересах аграрной политики Финляндии с фокусировкой на периферийных районах с немногочисленным населением. Данный отчасти предсказуемый (как и любой административно-ориентированный дискурс), а отчасти сложно реализуемый в любых институциональных условиях перечень задач не мог не столкнуться с определенными сложностями: во-первых, это необходимость разработки четких механизмов осуществления эффективной сельской политики с учетом ее региональной специфики; во-вторых, сложности развития и внедрения системы агроинноваций; в-третьих, трудности реальной поддержки местных сообществ посредством конкретных действий, так называемых «оперативных инноваций».

Для решения перечисленных проблем в 1991 г. и была создана новая архитектура системы агрополитики, один из принципов которой – разделение на «широкую» и «узкую» – был обозначен выше. В центре системы находится Комитет сельской политики, который назначается правительством Финляндии: «он не только является связующим звеном между различными министерствами, но также предпринимает серьезные усилия для расширения сетевого взаимодействия внутри экспертного сообщества и среди локальных сельских акторов» [Hyryläinen 2005, s. 8].

Комитет включает в себя представителей 9 министерств и других общественных и частных организаций; повседневной работой Комитета заведует генеральный

секретарь, которому, в свою очередь, помогают заместитель и занятые неполный рабочий день секретари от шестидесяти различных общественных и частных организаций. Именно так формируется «меню» методов «узкой» сельской политики, которая предлагает свои «блюда» системе «широкой» политики на разных уровнях социального управления. Особой частью этой системы является проектная группа, занимающаяся разработкой государственных и исследовательских агропроектов.

В итоге данная сложная конструкция производит три основных продукта: программы сельской политики; национальные научно-исследовательские проекты, тематически сфокусированные разработки по сельской проблематике. Программы агрополитики рассматривают широкий круг вопросов – восприятие сельской местностью воздействий различных отраслевых курсов, поиск механизмов смягчения негативных и закрепления положительных последствий тех или иных отраслевых и национальных решений и пр.; они принимаются и/или пересматриваются каждые четыре года, причем коррективы могут подвергнуться все ее компоненты – стратегическая перспектива, конкретные решения, список лиц и институций, ответственных за реализацию и оценку эффективности программы. Параллельно ежегодно в Финляндии десять-двенадцать тематических групп (часть из них временные, часть – постоянные) работают над конкретными темами, такими как «сельский туризм» или «социальное обслуживание в сельской местности», руководствуясь задачами стимулирования низовой инициативы и ее институционального закрепления, поддержки и развития сети лидеров и акторов местного развития.

Представленный выше исторический обзор и достаточно схематичная модель нынешней сельской политики Финляндии, безусловно, недостаточны без понимания повседневных реалий финской жизни. Без внимательного изучения мнений местных жителей финская политика и наука никогда бы не стали столь невероятно эффективными.

Голоса финских фермеров

Стремление учесть «голоса крестьян» характерно для всякой разумной и ответственной аграрной науки и политики. Напомним, что политика и наука России в ее относительно успешные исторические периоды стремились уловить эти «голоса» для принятия компетентных решений в отношении сельского развития России. Особенно следует отметить усилия земских и академических университетских деятелей конца XIX – начала XX в., а также советских статистиков и активистов в период НЭПа. Отдельные попытки в этом направлении предпринимались, конечно, и в постсоветской России, но, к сожалению, чаще учеными, чем политиками [Ковалев 1996; Виноградский, Виноградская, Никулин, Фадеева 2013].

Вновь обращаясь к Финляндии, мы должны особенно подчеркнуть желание финских государственных деятелей и исследователей услышать не только успешных представителей аграрной Финляндии, но и глухой и недовольный призыв тех, кто по разным причинам не нашел себе достойного пути в бесконечной глобальной гонке современного рыночно-аграрного развития. Задача учесть мнения аграрных «лузеров-неудачников», стремление создавать возможности устойчиво-

го существования для всех сельских социальных слоев Финляндии – важнейшие интеллектуально-нравственные императивы финской политики и науки.

В этой связи обратимся к исследовательскому проекту «*Альтернативный взгляд на историю структурных изменений*» в сельском хозяйстве Финляндии, показывающему, что в этой в целом исключительно успешной стране не редки провальные инциденты, которые тщательно исследуются и принимаются во внимание ответственными лицами [Silvasti 2009]. В данном проекте был собран уникальный архив фермерских семейных историй, повествующих о трудностях современной жизни на селе, вплоть до закрытия и исчезновения ферм, связанных с ростом давления бюрократии и рынка на финское село.

Решение Финляндии вступить в Евросоюз в 1995 г. повлекло за собой ускорение структурной перестройки сельского хозяйства. Политики повсеместно и радостно воспроизводили официальную версию происходящего: ускорение структурных изменений, повышение экономической эффективности, рост размеров фермерских хозяйств, усовершенствование сельхозстатистики и т.д. Однако оказалось, что в результате вступления в Евросоюз из примерно 150 тыс. финских фермеров вместе с членами их семей не десятки и не сотни, а тысячи вынуждены будут уйти из агрокомплекса. Это, несомненно, исключительно болезненная ситуация для людей, осознающих, что ферма, которая принадлежала их семье с XVI в., аккуратная, с любовью обихаживаемая многими поколениями их бабушек и дедушек, теперь объявлена рыночно нежизнеспособной, и иностранные чиновники утверждают, что наиболее значимую роль финские фермеры в будущем будут играть лишь как хранители культурного ландшафта, а не как сельхозпроизводители³.

С момента вступления в Евросоюз для повышения конкурентоспособности финского сельского хозяйства предусматривалось увеличение средних размеров ферм, усиление их производственной мощности и уменьшение общего числа фермерских хозяйств за счет развития предприимчивости, поскольку «современный финский фермер, член Евросоюза, должен быть предпринимателем, лично несущим ответственность за последствия экономического риска, ибо *“предпринимательское “я” – концептуальный стержень капиталистической культуры*» [Silvasti 2009].

Перед референдумом о вступлении Финляндии в Евросоюз в стране бурно обсуждалась роль аграрного сектора экономики: граждан призывали голосовать за вступление страны в Европейский союз, обещая снижение цен на продукты питания и критикуя финских фермеров, якобы всячески завышающих цены на свою продукцию. В результате в общественном мнении сформировался весьма негативный образ финских сельхозпроизводителей, которых обвиняли в существовании за счет государственных денег, в использовании особого налогового режима, в экономической неэффективности и загрязнении окружающей среды. В 1994 г. на референдуме 57% финнов проголосовали за вступление в Евросоюз, но среди сельского населения 70% мужчин и 89% женщин высказались против него. Впрочем, к 1997 г., когда Финское литературное общество и Союз образования собирали свои материалы по истории и современности фермерских хозяйств, общественные дискуссии улеглись, и наступила повседневность финской жизни в европейском сообществе.

³ Фольклорный архив Финского литературного общества и Союз образования провели в 1997 г. конкурс сочинений «Из сердца земли», в рамках которого были собраны автобиографические тексты, рассказывающие о прекращении сельскохозяйственной деятельности под давлением новых социально-экономических условий.

Проигравшие от вступления страны в Евросоюз финские фермеры, тем не менее, продолжали настаивать, что, во-первых, именно они способны обеспечить продовольственную безопасность, а, значит, и независимости, самостоятельности Финляндии; во-вторых, качество финских продуктов питания существенно выше импортного, а потому страна вносит важный вклад в глобальную продовольственную безопасность; в-третьих, в Финляндии сильны региональные различия, которые должны принимать во внимание все уровни власти – *«столичные чиновники, должно быть, забыли, что Финляндия простирается вплоть до Утсиоки»* (самый северный муниципалитет страны) [Silvasti 2009].

Тем временем в результате введения единой аграрной политики Евросоюза, был ужесточен контроль за деятельностью финских фермеров, причем Евросоюз стал если не устанавливать (как это было в СССР), то, по крайней мере, настойчиво рекомендовать сроки для посевных работ; отслеживалось выполнение принятых Евросоюзом правил охраны окружающей среды, регулирования размера, качества и даже маркировки финской продукции. Для этого инспекторы Евросоюза стали посещать финские сельхозхозяйства, осуществляя специальные выборочные проверки и в целом проверяя ситуацию с использованием спутников.

Финские фермеры интерпретировали такое повышение внимания к себе не как проявление общеевропейской управляемости, а как «потерю свободы и автономии своих хозяйств»: *«Евросоюз хочет от нас больше скота, больше работы и в связи с этим выдвигает все новые претензии: всякие этические проблемы природопользования, лесного хозяйства, окружающей среды. Нас с воздуха, с суши, с моря бомбят требованиями Евросоюза усовершенствовать бухгалтерскую отчетность, улучшить менеджмент. Нам чиновники Евросоюза рекомендовали телефон доверия для информирования о положении дел у соседей. Да это же хуже, чем бывший Советский Союз. Верните нас обратно в Финляндию, в эпоху труда, честности и гуманизма!»* [Silvasti 2009]. Это высказывание выглядит как вполне характерное и для российского крестьянского дискурса, только, в отличие от Финляндии, где новые «нехорошие» правила были установлены извне, в России все те же проблемы (по крайней мере, пока) порождаются исключительно законодательными и прочими инициативами российских властей всех уровней и отраслевой принадлежности.

Новые правила и требования Евросоюза воспринимались финскими аграриями (конечно, лишь частью из них, в основном это в итоге отказавшиеся от занятий сельскохозяйственной деятельностью) как трудно осуществимая на практике политика безыкой и бесчеловечной международной бюрократии, не понимающей, что многие ее нормы в финских условиях совершенно бессмысленны.

Большинство финских фермеров постарались максимально быстро перейти на новые стандарты в том числе и потому, что соответствие всем требованиям и выполнение рекомендаций Евросоюза позволяло получать субсидии: *«Надо продемонстрировать, что вы подключаетесь к проектам общеевропейского органического земледелия, по такой программе вы на пять лет обеспечите себе стабильность существования, правда, для этого надо преодолеть боль своего сердца, допустить зарастание кустарниками ваших полей, возделывать кукурузу в условиях арктического климата и создавать условия для появления на ваших полях рекомендованных Евросоюзом животных, например, таких как страус, зебра и мышь-землеройка»* [Silvasti 2009].

Вот еще несколько весьма уничижительных оценок действий лиц, принимающих решения, но совершенно не вникающих в проблемы новых условий того

мира, который они проектируют для фермеров (опять же это очень характерная ситуация для российского общества, которая отличается лишь «статусом» критикуемого чиновничества – в отличие от российского «своего», в Финляндии – это внешний «европеец»): *«Я считаю большой ошибкой, что сельское планирование сосредоточено в административных центрах под контролем высокообразованных чиновников, не имеющих жизненного опыта простых людей. Эти специалисты фактически только тем и занимаются, что придумывают различные виды и способы уничтожения небольших семейных компаний, услужливо трясутся перед крупными промышленными компаниями. Их политика – страшный обман простых людей»* [Silvasti 2009].

«Земля наша полна консультантами, советниками, обучающими нас институтами, курсами, программами, всякими утопистами, которые толкут воду в ступе, тем временем как село запустевает и приходит в упадок... Раньше мы работали и не задумывались – много мы гектаров обрабатывали или мало, мы верили в собственную компетентность и трудолюбие. Я всегда сам мог у себя все починить и отремонтировать. Я скромно и тихо работал. И вот я устал... Я не собираюсь иметь примерную, конкурентоспособную модель моей фермы – ... мне лишь бы выжить. Мы слишком просты и доверчивы для этого мира, который любит экономическое мышление, конкурентоспособность, экономику, ценовую осведомленность, малые затраты на единицу продукции, инвестиции, банковские счета, недвижимость...» [Silvasti 2009].

Вхождение в Евросоюз не прошло для Финляндии гладко, однако и не столь печально, как можно было бы судить по нарративам неэффективных фермеров, иначе бы сегодня в стране не насчитывалось порядка 70 тыс. ферм (80% из них – малые и средние) с общей площадью угодий каждой из них в 50 и менее гектар (средняя площадь фермы – примерно 11 гектар). Аграрии Финляндии полностью обеспечивают потребности страны в молочной продукции, зерне (в том числе кормовом), продуктах животноводства и птицеводства, хотя их численность составляет всего 90 тыс. чел. (для сравнения, в машиностроении – почти 130 тыс.).

Действительно, вступление Финляндии в Евросоюз заставило сельское хозяйство страны пережить трудные времена и болезненные изменения, обусловленные открытием границ для более дешевой сельскохозяйственной продукции и сырья из других стран в ситуации, когда финские внутренние цены превышают цены Евросоюза. Кроме того, в соответствии с требованиями Евросоюза, в Финляндии изменился порядок прямого регулирования цен производителей, что привело к значительному снижению объемов государственной поддержки до требуемого нормативами Евросоюза уровня, сокращению мер государственной защиты местных производителей от импорта и уменьшению экспортных субсидий (в результате число ферм в стране сократилось, но были ликвидированы в основном хозяйства, которые не смогли к концу переходного периода довести себестоимость продукции до конкурентоспособного уровня).

В то же время государство эффективно занималось регулированием аграрного производства, поскольку это один из базовых принципов обеспечения равномерной заселенности территории страны. В частности, оно переориентировало (посредством соответствующих финансовых мер, в том числе субсидирования на начальном организационном уровне) нерентабельные фермы на лесное хозяйство и альтернативные виды деятельности (звероводство, рыбоводство, тепличные хозяйства, пчеловодство, туристический бизнес).

Конкуренция финских фермеров с сельхозпроизводителями из других европейских стран привела к тому, что финны стали крайне щепетильно относиться к качеству и натуральности своей продукции, рассматривая их и как свое конкурентное преимущество на европейском рынке продовольственных товаров. Например, в стране существуют ограничения на применение минеральных удобрений; попасть внутрь коровника можно только в специальной одежде и одноразовых бахилах; рацион каждого животного тщательно рассчитывается, приняты расчетные таблицы для всех возрастных и весовых групп стада, каждая корова имеет биометрический паспорт и навигатор и т.д. Государство инвестирует в развитие чистых технологий больше других стран Евросоюза – свыше 12,6 млн евро в год. Как принципы высокого качества, «естественной чистоты» и этичности работают на практике, рассмотрим на примере гусиной фермы Хаухала в провинции Южное Саво, которую авторы посетили летом 2013 г.

Хозяева фермы – муж и жена в возрасте около сорока лет, у них двое несовершеннолетних детей. Ферма занимает площадь в 30 гектар, оснащена маленьким трактором фирмы «Джон Дир», подержанным – для полевых работ, пятидесятилетним финским работягой «Вальтра», на котором развозят все необходимое по территории. Основное направление деятельности фермы – гусеводство: здесь содержится 400 взрослых гусей (из них 300 гусынь) и около 6–7 тыс. гусят. Сегодня это самая большая ферма в Финляндии, где птицу содержат в естественных природных условиях, т.е. это не промышленное производство: гусята выхаживаются в обогреваемых помещениях, подросшие и окрепшие гуси содержатся и откармливаются в птичниках на улице; ферма имеет комплексную современную систему переработки и упаковки всей своей гусиной продукции, и «вся “фермерская изба” забита компьютерами и всяким сложным оборудованием».

Это хозяйство было создано в 1997 г., после поездки в Австрию, где хозяева посетили гусиную ферму и решили попробовать заняться этим в Финляндии: «От отца мужу досталась эта ферма, – рассказала хозяйка. – Ее направление было молочное, но наших 30 гектар земли мало для прибыльной молочной фермы. Тем более после вступления Финляндии в Евросоюз требования ужесточались, надо было либо укрупняться, либо перепрофилировать бизнес. И вот уже пятнадцать лет занимаемся гусями и, в общем, не жалеем... На первоначальном этапе становления нашей гусиной фермы нам большую помощь и поддержку оказывали ученые из Института «Руралия» и Института развития малого бизнеса. Мы проходили соответствующие курсы, программы – от гигиены труда и приготовления кормов для гусей до бухгалтерских и технологических курсов...».

Помимо столь необходимой грамотности, успешности гусиногo хозяйства способствовали особенности финского менталитета: несмотря на то, что в Финляндии у этой фермы практически нет конкурентов, «гусь в Финляндии это довольно редкая птица, его в основном подают в ресторанах и не так часто держат в личном подворье и подают к столу, как в России, поэтому финны редко занимаются гусеводством. Но вот конкуренция с производством гусятины из Евросоюза для нас могла стать проблемой. Дело в том, что в большинстве стран Евросоюза гусей выращивают промышленно грубыми способами, что выходит дешевле, но это жестоко по отношению к птице. Например, есть способы насильственного кормления гуся, в результате которого его печень значительно увеличивается в размерах. А гусиная печень – европейский деликатес. Но у нас в Финляндии так обращаться с живыми существами запрещено. В результате наша гусятина ока-

зывается дорожке европейской, но, ничего – в Финляндии у нас довольно успешный рынок сбыта, потому что финны предпочитают покупать пусть и подороже, но более качественные продукты, тем более свою национальную продукцию».

Соответственно, порядка 90% продукции гусиная ферма реализует в Финляндии, хотя два года назад приняла участие в специальном финско-российском проекте «Фуд-Рус», направленном на развитие приграничной фермерской торговли, в результате чего обрела и потребительский рынок в России (8% продукции продается в приграничных районах российским покупателям). Хозяйева с удовольствием продавали бы в Россию больше гусей, потому что наблюдают спрос на них, но отмечают, что *«российские бюрократические правила – они такие сложные и странные... говорят, что Россия вступила в ВТО, и теперь торговля между нами должна вестись свободней, но мы этого не чувствуем»*.

Тем не менее в целом фермеры отмечают, что *«сейчас у нас устойчивая сбалансированная ситуация. Собираемся поддерживать наше хозяйство на таком же уровне. Мы бы могли в два раза увеличить наше производство гусятины, но, во-первых, это было бы уж очень для нас сложно, а во-вторых, для этого нам бы потребовалось брать новые кредиты, а мы еще со старыми не расплатились, но собираемся это сделать ко времени нашего выхода на пенсию...»*.

Таким образом, перед нами не только пример удачного вписывания в новые социально-экономические условия после вступления страны в Евросоюз, причем с сохранением сельскохозяйственной ориентации, но и показатель *эффективного сотрудничества частного фермерского хозяйства, государства и науки*, которое является краеугольным камнем финской сельской политики и в последние пятнадцать лет реализуется в стране чаще всего в формате конкретных проектов.

Проблемы и перспективы современного сельского развития Финляндии

В Финляндии, впрочем, как и во всем мире, любят вспоминать значение социального капитала для успехов экономического и социального развития страны. Как подчеркивает директор Института сельского развития Миккели Торсти Хуурулайнен: *«Стратегическую архитектуру финской сельской политики сегодня определяет понятие социального капитала...»*, под которым понимается, прежде всего, движущая сила развития общества в целом и конституирующих его сообществ с тем, чтобы они правильно идентифицировали проблемы и решали их максимально творчески и инновационно [Huuryläinen 2005, s. 1]. Впрочем, в Финляндии разреженно-абстрактное понятие «социальный капитал» умеют наполнять конкретно-эмпирическим содержанием политических и экономических взаимодействий города и села, учитывающих не только национальный, но и международный, прежде всего, европейский опыт.

Финская сельская политика ориентирована на укрепление взаимного функционирования всех заинтересованных сторон в согласовании общих целей и разработке оптимальных и приемлемых для всех способов решения проблем. Основными механизмами достижения этой стратегической цели являются *социальное взаимодействие* (на уровне местных сообществ), *социальное доверие* (ощущение безопасности, доверие окружающим людям, поддержание устойчивых связей с соседями, высокое качество жизни и уважение к многообразию) и *коллек-*

тивная (в том числе экспертная) оценка. Подобные рычаги формируют в сфере сельского/регионального развития арену взаимодействия множества акторов в сетевом формате, который позволяет корректировать политические решения с учетом различия интересов, жизненных перспектив, институциональных контекстов и трактовок «реалий» всеми заинтересованными сторонами, причем подобные «поправки» производятся как в вертикальном, так и горизонтальном измерениях этой сложной, многоуровневой системы.

Значимых результатов в сфере *создания новых локальных структур и партнерских отношений* финская сельская политика добилась за счет участия в европейской программе ЛИДЕР и создания ее местного аналога – национальной программы ПОМО [Huuryläinen 2005, s. 9]: благодаря им, к середине 2000-х гг. в разных районах страны работало 58–60 местных активных групп, призванных интенсифицировать и расширять масштабы взаимодействия местных жителей, локальных сообществ, предпринимателей и муниципальных властей.

Программа ЛИДЕР была разработана Евросоюзом для переориентации сельского развития с экзогенного на эндогенный подход в целях активизации скрытых возможностей аграрных территорий и наращивания инвестиций в местный социальный капитал [Huuryläinen 2010]. Речь шла о том, что любые государственные и частные акторы во всех секторах сельской экономики должны фокусироваться на локальных сообществах и использовать, прежде всего, их внутренние ресурсы, учитывая территориальную/региональную специфику, активизируя низовую инициативу, внедряя инновации и сетевой подход, выстраивая четкие траектории взаимодействий всех заинтересованных сторон не только на местном, региональном и государственном, но и транснациональном уровне.

Проект (иногда его называют методом) ЛИДЕР сформировал *новый тип управления сельской местностью и развитием*, основанный на *неформальном сетевом взаимодействии* и широком использовании *проектного подхода*, что позволяет «собирать и аккумулировать капитал» для эволюции села не только и не столько финансовый, но в первую очередь социальный.

Несмотря на сложности (в качестве основных называют забюрократизированность и расхождение политических решений и планов с жизненными реалиями и проблемами), программа/метод ЛИДЕР считается «главным бриллиантом в короне финской сельской политики» благодаря созданию сильных местных активных групп, которые действуют по всей стране и фактически улучшают ту самую европейскую программу, в рамках которой они были созданы и до сих пор финансируются [Walls 2009, p. 95]. В качестве факторов эффективности ЛИДЕРа финские ученые называют, во-первых, основанную на сетевом подходе национальную политику сельского развития, во-вторых, силу и функциональные возможности развитого гражданского общества в Финляндии [Pylkkanen, Huuryläinen 2004].

Принципиальным условием превращением ЛИДЕРа в основной механизм сельского развития был стратегический запас доверия, накопленный Комитетом сельской политики, который смог мгновенно использовать потенциал ЛИДЕРа в различных направлениях своей работы на всех уровнях социальной структуры. Однако это не представлялось бы достаточным, если бы предлагаемые ЛИДЕРом решения не были быстро восприняты местным населением и локальными группами благодаря развитому и сильному гражданскому обществу, позволяющему эффективно выстраивать новые форматы взаимодействия, используя значительный запас накопленного социального капитала. Как и национальная программа

ПОМО, европейский ЛИДЕР привлек огромное число людей к участию (в том числе финансово-инвестиционному), обучил их тому, как можно на практике реализовать инновационные идеи и личные интересы, учитывая в то же время особые характеристики своего локального сообщества, специфику конкретной сельской местности и накопленный здесь жизненный опыт.

Еще в 1991 г. Х. Катаямэки, автор книги «Долгий и извилистый путь сельской Финляндии» [*Katajamäki 1991*], обозначил свой идеал «мозаики разнообразных видов деятельности», которая включает в себя пять типов людей:

- производители, беспрестанно рационализирующие хозяйственные приемы;
- владельцы небольших фирм, сосредоточенные на производстве продовольствия и его продаже, хотя у них могут быть и иные занятия (например, архитектурное бюро);
- представители независимых профессий, работающих в дистанционном режиме;
- сотрудники социальных служб;
- сезонные работники коммерческого и сектора услуг, которым нравится жить на лоне природы.

По сути, перед нами «постмодернистская» мечта, вытесняющая традиционную сельскую культуру, однако ее реализация возможна только в том случае, если «правильные политические решения позволят эффективно развиваться подвижным форматам сельской занятости и сетевой экономики, основанным на информационных технологиях» [*Katajamäki 1991*].

***

Опыт успешного сельского развития Финляндии, безусловно, привлекал и привлекает внимание российских ученых. Упомянем лишь некоторые, на наш взгляд, наиболее интересные исследования в этой области. Например, экономисты-аграрники попробовали обобщить опыт фермеров скандинавских стран, включая Финляндию, применительно к России в специальной монографии «Опыт фермеров Скандинавских стран – на российскую землю» [*Казарезов, Беляков 2004*]. Анализ успехов финской сельскохозяйственной кооперации, ее возможного значения для России был дан Н. Шагайда [*Шагайда 2002*]. Значение опыта сельского туризма в Европе и Финляндии для России, проектов самоорганизаций местных сообществ исследовано в работах И. Копотевой, а также ряда ее финских коллег [*Копотева 2006; Никула, Копотева, Ниска 2011*]. Безусловно, интересное сопоставление значения природных, этно-социокультурных и экономических факторов в сельском развитии Финляндии и России дано и Т.Г. Нефедовой [*Нефедова 2011*].

Почти для всех перечисленных работ характерно, с одной стороны, детальное описание механизмов экономического и культурного развития сельской Финляндии, с другой стороны, констатация, что экономические и культурные аналоги этих механизмов чрезвычайно трудно работают и развиваются в условиях России. Словно подытоживая возможные парадоксы подобного рода исследований, в целом междисциплинарно обобщая проблему, географ В.Л. Каганский в своей чрезвычайно интересной статье «Россия и Финляндия: сравнение географических пространств» приходит к такому принципиальному умозаключению: «Россия

и Финляндия являются ярчайшими примерами того, как на близкой по составу и структуре пространственной почве могут вырасти разные общественно-государственные организмы... Современные Россия и Финляндия куда более различны, чем исходно различались их пространства... *Для судьбы страны есть вещи сильнее географии, есть нечто сильнее пространства* – и его ресурсов, и географического положения... *Россия и Финляндия ныне различаются не благодаря исходным различиям своих пространств – они различаются, несмотря на существенное исходное сходство своих пространств.* Анализ, имеющий целью интерпретацию различий современных России и Финляндии – тем более объяснение причин этих различий – обязан выйти за пределы сферы пространства – в историю, особенно культурную и конфессиональную, институциональную сферу, “национальные характеры” и/или ментальность» [Каганский 2005].

Но такое заключение представляется слишком абстрактным. На наш взгляд, в предисловии к книге «Почему Россия не Финляндия» финский автор Пекка Сутела во многом сконцентрировал многообразие перечисленных В.Л. Каганским культурных, национальных, институциональных, ментальных сфер в феноменальной противоположности значения государства в России и Финляндии, утверждая: «Государство может и должно быть партнером, а не инструментом в руках у заинтересованных кругов и не хозяином в иерархической лестнице власти – по крайней мере, если предполагается, что благосостояние должно основываться на добавленной стоимости, инновациях и креативности. Такие процессы происходят в компаниях, университетах и научно-исследовательских институтах, поэтому одним из основных вопросов является *организация их тесного сотрудничества* (выделено – А.Н. и И.Т.) Это то, на что необходимо обратить внимание при прогнозе будущего России» [Сутела 2005].

Солидаризируясь с этим утверждением финского ученого, подчеркнем, что, на наш взгляд, парадоксы неусвоения успешного сельского опыта развития Финляндии невозможно объяснить без сравнительного анализа, прежде всего, историко-политической, во многом государственной культуры взаимоотношений города и села в жизни двух стран. Как мы и стремились показать на примере Финляндии, именно историко-политические факторы сельского развития, заключающиеся в эффективном демократическом взаимодействии ученых, политиков и фермеров по поводу государственных стратегий взаимодействия города и села, внимательного изучения мнений и голосов провинциальной глубинки, учета голосов «глубинки» в повседневной государственной и муниципальной политике страны, определяют гуманистически достойную перспективу ее агроразвития. Здесь, следует признать, что России предстоит многому поучиться у Финляндии.

Литература

- Вегрен С.К. (2012) Вступление России в ВТО: последствия для сельского хозяйства / Пер. с англ. И.В. Троцук // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2012. Вып. 7. М.: «Дело» РАНХиГС.
- Виноградский В., Виноградская О., Никулин А., Фадеева О. (2013) Крестьянские жизненные практики. Россия, 1991–2012. Саратов: РГТЭУ.
- Голоса крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах (1996) / Сост. Е.М. Ковалев. М.: Аспект Пресс.

- Каганский В.Л. (2005) Россия и Финляндия: сравнение географических пространств // Мы и они. Россия в сравнительной перспективе. М.: Изд-во Института экономики переходного периода.
- Казарезов В.В., Беляков С.Л. (2004) Опыт фермеров Скандинавских стран – на российскую землю. М.: ФГНУ «Росинформагротех».
- Копотева И. (2006) Сельский туризм как одно из направлений в разработке стратегий развития сельских территорий // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. Вып. 5. М.: МВШСЭН.
- Мы и они. Россия в сравнительной перспективе (2005) / Ред. В.А. Мау, А.А. Мордашова, Е.В. Турунцева. М.: ИЭПП.
- Нефедова Т.Г. (2011) Сельская местность Финляндии в сравнении с российским Ближним Севером: роль природных, этно-социокультурных и экономических факторов // Экологическое планирование и управление.
- Никула Й., Копотева И., Ниска М. (2011) Социальные инновации и социальное партнерство как механизмы местного развития // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. Вып.6. М.: «Дело».
- Оллус С., Хелантера А. (2004) Почему Россия не Финляндия. Сравнительный анализ конкурентоспособности (авторизованный перевод с английского под ред. Л. Тодорова). Серия «Межстрановые социально-экономические исследования». М.: Изд-во Института экономики переходного периода.
- Пилясов А.Н. (2009) И последние станут первыми. Северная периферия на пути к экономике знания. М.: «ЛИБРОКОМ».
- Сутела П. (2004) Это сладкое слово – конкурентоспособность // Почему Россия не Финляндия. Сравнительный анализ конкурентоспособности (авторизованный перевод с английского под ред. Л. Тодорова). Серия «Межстрановые социально-экономические исследования». М.: Изд-во Института экономики переходного периода.
- Троцук И.В. (2011) «Хотели как лучше — получилось как всегда» и другие особенности российских аграрных реформ // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. Вып. 6. М.: «Дело» РАНХиГС.
- Шагайда Н.И. (2002) Организация взаимодействия между сельхозпроизводителями и переработчиками в Финляндии // Сельскохозяйственные вести. Ноябрь 2002.
- Юссила О., Хентила С., Невакиви Ю. (2010) Политическая история Финляндии 1809–2009. М.: «Весь мир».
- Ekman A.-K. (1999) The Revival of Cultural Celebrations in Regional Sweden. Aspects of Tradition and Transition // Sociologia Ruralis, vol. 39, no 3, pp. 280–293.
- Granberg L. (1986) Small Production and State Intervention in Agriculture // Acta Sociologica, vol. 29, no 3, pp. 243–253.
- Granberg L. (ed.) (2000) The Snowbelt: Studies on the European North in Transition. Aleksanteri Institute & Kikumora Publications.
- Granberg L. (2007) Rural Paths in Russia // Reflections on Transformation in Post-Socialist Rural Areas. Cambridge Scholar Publishing.
- Granberg L., Peltonen M. (2001) Peasantisation and beyond in Finland and Scandinavia // Europe's Green Ring (Perspectives on Rural Policy and Planning). Ed. by L. Granberg, I. Kovach, H. Tovey. Wiltshire, Anthony Rowe Ltd.: Ashgate.
- Hyryläinen T. (2005) Structural and Functional Changes in Finnish Rural Policy System // European Society for Rural Sociology XXI Congress, Keszhely, Hungary. 22.08.2005.
- Hyryläinen T. (2009) Turning Points in Finnish Rural Studies – From Traditional Rural Research to New Rural Studies // Finnish Journal of Rural Research and Policy, no 2, pp. 90–94.
- Hyryläinen T. (2010) Governance of Local Empowerment in Finnish Rural Policy: Collaboration Between Policy, Development and Research // Employment Policy Research Center. EPRC. Hirosaki University, Japan. Discussion Paper. № 4.
- Kaljonen M. (2009) A Matter of Scale – Study on the Politics of Agri-Environmental Policy Implementation // Finnish Journal of Rural Research and Policy, no 2, pp. 33–46.
- Katajamäki H. (1991) The Long and Winding Road of Rural Finland. University of Vaasa, Acta Wasaensia.

- Kopoteva I. (2012) *Civil Society in Rural Russia // Traces of Peasantry and Post-Socialism*. Tampere: Juvenes Print.
- Marsden T. (2006) *Pathways in the Sociology of Rural Knowledge // Handbook of Rural Studies*. London: SAGE Publications.
- Merl S. (2006) *The Cooperative Movement in Tsarist and Early Soviet Russia: What Role did it Play in Nation Building for the Different Ethnies? // Cooperatives in Ethnic Conflicts: Eastern Europe in the 19th and early 20th Century*. Ed. T. Lorenz. Berlin: Berliner Wissenschafts-Verlag GmbH.
- MTTL (1999): Ala-Orlova L., Laurila I.P., Martttila J. (eds.). *Suomen maatalous ja maaseutuelinkeinot 1998 // Agricultural Economics Research Institute (Helsinki) Research Publications*, no 91.
- Peltonen M. (1993) *The Peasant Economy and the World Market. Finnish Peasant Farming in the Age of Agrarian Crises, 1880s–1910s // Review*, vol. 16, no 3, pp. 357–381.
- Poropudas O. (2000) *A Northern Success Story: Finland // The Snowbelt: Studies on European North in Transition*. Aleksanteri Institute & Kikumora Publications.
- Pyy I., Rannikko P. (1995) *The Rural Welfare State Saga / The Peasant State*. Ed. by L. Granberg, J. Nikula. Rovaniemi: University of Lapland.
- Rizzo F. (2009) *Local Institutions and Agrarian Structures Matter in LEADER: Case Studies from Finland and Italy // Finnish Journal of Rural Research and Policy*, no 2, pp. 71–84.
- Siiisconen P. (2005) *Women Entrepreneurs in Rural Areas: Some Case Studies from Finland*. Warsaw.
- Silvasti T. (2009) *Giving up the Family Farm – an Alternative Story of the Structural Change in Agriculture in Finland // Finnish Journal of Rural Research and Policy*, no 2, pp. 21–32.
- Vihinen H. (2009) *Finnish Model for the Rural Policy // Finnish Journal of Rural Research and Policy*, no 2, pp. 85–89.
- Walls H. (2009) *Finnish Local Action Group Work – Experience from the Field // Finnish Journal of Rural Research and Policy*, no 2, pp. 95–98.

RURAL SOCIOECONOMIC SYSTEMS IN RUSSIA AND FINLAND: THE CURRENT STATE AND PROSPECTS

Rural Development of Finland: the Interaction between State, Farmers and Scientific Knowledge (Possible Lessons for Russia)

A. NIKULIN*, I. TROTSUK**

***Alexander Nikulin** – Director, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA). Address: 82, Vernadskogo Ave., Moscow, 119571, Russian Federation. E-mail: nikulin@rane.ru

****Irina Trotsuk** – Deputy Director, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA). Address: 82, Vernadskogo Ave., Moscow, 119571, Russian Federation. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Abstract

This article examines the history and the current rural development in Finland through the prism of interaction between farmers, politicians and scientists. The authors suggest a historical-sociological and historical-political reconstruction of the basic features and the overall logic of Finnish rural development during the past century and a half. After a brief review of the rural history of Finland, the emphasis is made on the logic of Finnish rural development during the last two decades. The authors describe the daily participation of Finnish political and academic structures in the transformations of the rural life in Finland and in the implementation of various economic and social projects. The article identifies key features of the interdisciplinary work between Finnish agrarian scientists, farmers and politicians seeking to highlight any mistakes, and the ways to avoid or fix them for successful and sustainable rural development. For instance, the authors consider some family and economic life histories of successful and unsuccessful Finnish farmers after Finland's accession to the EU and the growth of European and global competition in Finnish agricultural markets. The authors analyze the peculiarities of development and reproduction of social capital in the Finnish countryside through the creation of new local structures and partnership relations in local rural communities as a part of the pan-European program, LEADER.

Referring to the history of Russian rural development, the authors raise the question of how the experience of effective interaction between the worlds of politics, science and rural life in Finland can be utilized in Russia. The authors compare basic trends

in development of rural cooperatives, models of local government, farmers' activities and the state of agricultural research in Russia and Finland. This comparison reveals an apparent paradox of failures and quite modest achievements of the Russian agrarian development in the light of remarkable agrarian success of Finland. Despite the significant similarity of the countries' natural and historical landscapes, there are deep political and economic differences between them, especially where state regulation of the city and the village interaction is considered. Russia can learn much from Finland, for instance, in how it brings together researchers, policy-makers and farmers to develop effective and balanced strategies for rural development.

Keywords: Finland, Russia, rural development, farmers, science, policy, bureaucracy

References

- Ekman A.-K. (1999) The Revival of Cultural Celebrations in Regional Sweden. Aspects of Tradition and Transition. *Sociologia Ruralis*, vol. 39, no 3, pp. 280–293.
- Golosa krest'yan: Sel'skaya Rossiya XX veka v krest'yanskikh memuarakh / Sost. E.M. Kovalev* (1996) [Peasants' Voices: Rural Russia of the XX Century in the Peasants' Memoirs / Comp. E.M. Kovalev], Moscow: Aspekt Press.
- Granberg L. (1986) Small Production and State Intervention in Agriculture. *Acta Sociologica*, vol. 29, no 3, pp. 243–253.
- Granberg L. (ed.) (2000) *The Snowbelt: Studies on the European North in Transition*, Aleksanteri Institute & Kikimora Publications.
- Granberg L. (2007) *Rural Paths in Russia. Reflections on Transformation in Post-Socialist Rural Areas*, Cambridge Scholar Publishing.
- Granberg L., Peltonen M. (2001) Peasantisation and Beyond in Finland and Scandinavia. *Europe's Green Ring (Perspectives on Rural Policy and Planning)*. L. Granberg, I. Kovach, H. Tovey (eds.), Wiltshire, Anthony Rowe Ltd.: Ashgate.
- Hyyryläinen T. (2005) *Structural and Functional Changes in Finnish Rural Policy System*. Paper presented at European Society for Rural Sociology, XXI Congress, Keszhely, Hungary, 22 August 2005.
- Hyyryläinen T. (2009) Turning Points in Finnish Rural Studies – From Traditional Rural Research to New Rural Studies. *Finnish Journal of Rural Research and Policy*, no 2, pp. 90–94.
- Hyyryläinen T. (2010) Governance of Local Empowerment in Finnish Rural Policy: Collaboration between Policy, Development and Research. *Employment Policy Research Center. EPRC*. Hirosaki University, Japan. Discussion Paper, no 4.
- Jussila O., Hentilja S., Nevakivi Ju. (2010) *Politicheskaya istoriya Finlyandii 1809–2009* [Political History of Finland 1809–2009], Moscow: Ves' mir.
- Kaganskii V.L. (2005) Rossiya i Finlyandiya: sravnenie geograficheskikh prostranstv [Russia and Finland: Comparing the Geographical Spaces]. *My i oni. Rossiya v sravnitel'noi perspective* [We and They: Russia in a Comparative Perspective], Moscow: Institut ekonomiki perekhodnogo perioda.
- Kazarezov V.V., Belyakov S.L. (2004) *Opyt fermerov Skandinavskikh stran – na rossiiskuyu zemlyu* [Scandinavian Farmers' Experience – on the Russian Soil], Moscow: Rosinformagrotekh.
- Kaljonen M. (2009) A Matter of Scale – Study on the Politics of Agri-Environmental Policy Implementation. *Finnish Journal of Rural Research and Policy*, no 2, pp. 33–46.
- Katajamäki H. (1991) *The Long and Winding Road of Rural Finland*, University of Vaasa, Acta Wasaensia.
- Kopoteva I. (2006) Sel'skii turizm kak odno iz napravlenii v razrabotke strategii razvitiya sel'skikh territorii [Rural Tourism as a Strategy of Rural Areas Development]. *Krest'yanovedenie*:

- Teoriya. Istoriya. Sovremennost'. Uchenye zapiski. Vyp. 5* [Peasant Studies: Theory. History. Modern Age. Scholarly Notes. Issue 5], Moscow: MVShSJeN.
- Kopoteva I. (2012) Civil Society in Rural Russia. *Traces of Peasantry and Post-Socialism*, Tampere: Juvenes Print.
- Marsden T. (2006) Pathways in the Sociology of Rural Knowledge. *Handbook of Rural Studies*, London: SAGE Publications.
- Merl S. (2006) The Cooperative Movement in Tsarist and Early Soviet Russia: What Role Did It Play in Nation Building for the Different Ethnicities? *Cooperatives in Ethnic Conflicts: Eastern Europe in the 19th and early 20th Century*. Ed. T. Lorenz, Berlin: Berliner Wissenschafts-Verlag GmbH.
- MTTL (1999): Ala-Orlova L., Laurila I.P., Martttila J. (eds.). Suomen maatalous ja maaseutuelinkeinot 1998. Agricultural Economics Research Institute (Helsinki) Research Publications, no 91.
- My i oni. Rossiya v sravnitel'noi perspektive (2005). Red. V.A. Mau, A.A. Mordashova, E.V. Turuntseva* [We and They: Russia in a Comparative Perspective / Eds. V.A. Mau, A.A. Mordashov, E.V. Turuntseva], Moscow: Institut ekonomiki perekhodnogo perioda.
- Nefedova T.G. (2011) Sel'skaya mestnost' Finlyandi v sravnenii s rossiiskim Blizhnim Severom: rol' prirodnykh, etno-sotsiokul'turnykh i ekonomicheskikh faktorov [Comparing Countrysides in Finland and the Russian Middle North: the Role of Natural, Ethnic, Socio-Cultural and Economic Factors]. *Eko-logicheskoe planirovanie i upravlenie*, no 1, pp. 97–108.
- Nikula J., Kopoteva I., Niska M. (2011) Sotsial'nye innovatsii i social'noe partnerstvo kak mekhanizmy mestnogo razvitiya [Social Innovations and Social Partnership as Mechanisms of Local Development]. *Krest'yanovedenie: Teoriya. Istoriya. Sovremennost'. Uchenye zapiski. Vyp. 6* [Peasant Studies: Theory. History. Modern Age. Scholarly Notes. Issue 6], Moscow: MVShSJeN.
- Ollus C., Helanterä A. (2004) *Pochemu Rossiya ne Finlyandiya. Sravnitel'nyi analiz konkurentosposobnosti. Seriya "Mezhstranovye social'no-ekonomicheskie issledovaniya"* [Why Russia is not Finland. Comparative Analysis of Competitiveness. Series "Cross-Country Social and Economic Studies"], Moscow: Institut ekonomiki perekhodnogo perioda.
- Peltonen M. (1993) The Peasant Economy and the World Market. Finnish Peasant Farming in the Age of Agrarian Crises, 1880s–1910s. *Review*, vol. 14, no 3, pp.357–381.
- Pilyasov A.N. (2009) *I poslednie stanut pervymi. Severnaya periferiya na puti k ekonomike znaniya* [And the Last Shall Be First. The Northern Periphery on the Way to the Knowledge Economy], Moscow: LIBROKOM.
- Poropudas O. (2000) A Northern Success Story: Finland. *The Snowbelt. Studies on European North in Transition*. Aleksanteri Institute & Kikimora Publications.
- Pyy I., Rannikko P. (1995) The Rural Welfare State Saga. *The Peasant State*. Ed. L. Granberg, J. Nikula, Rovaniemi: University of Lapland.
- Rizzo F. (2009) Local Institutions and Agrarian Structures Matter in LEADER: Case Studies from Finland and Italy. *Finnish Journal of Rural Research and Policy*, no 2, pp. 71–84.
- Shagaida N.I. (2002) Organizatsiya vzaimodeistviya mezhdru sel'khozproizvoditelyami i pererabotchikami v Finlyandii [Interaction of Farmers and Processors in Finland]. *Sel'skokhozyaistvennye vesti*, novembre 2002.
- Siisconen P. (2005) *Women Entrepreneurs in Rural Areas: Some Case Studies from Finland*, Warsaw.
- Silvasti T. (2009) Giving up the Family Farm – an Alternative Story of the Structural Change in Agriculture in Finland. *Finnish Journal of Rural Research and Policy*, no 2, pp. 21–32.
- Sutela P. (2004) Eto sladkoe slovo – konkurentosposobnost' [Such a Sweet Word – Competitiveness]. *Pochemu Rossiya ne Finlyandiya. Sravnitel'nyi analiz konkurentosposobnosti. Seriya "Mezhstranovye social'no-ekonomicheskie issledovaniya"* [Why Russia is not Finland. Comparative Analysis of Competitiveness. Series "Cross-Country Social and Economic Studies"], Moscow: Institut ekonomiki perekhodnogo perioda.
- Trotsuk I.V. (2011) "Khoteli kak luchshe — poluchilos' kak vseгда" i drugie osobennosti rossiiskikh agrarnykh reform [“Wanted the Best – Turned out as Always” and Other Features of the Russian Agrarian Reforms]. *Krest'yanovedenie: Teoriya. Istoriya. Sovremennost'*.

- Uchenye zapiski. Vyp. 6* [Peasant Studies: Theory. History. Modern Age. Scholarly Notes. Issue 6], Moscow: MVShSJeN.
- Vihinen H. (2009) Finnish Model for the Rural Policy. *Finnish Journal of Rural Research and Policy*, no 2, pp. 85–89.
- Vinogradskii V., Vinogradskaya O., Nikulin A., Fadeeva O. (2013) *Krest'yanskije zhiznennye praktiki. Rossiya, 1991–2012* [Peasants' Life Practices. Russia, 1991–2012], Saratov: RGTJeU.
- Walls H. (2009) Finnish Local Action Group Work – Experience from the Field. *Finnish Journal of Rural Research and Policy*, no 2, pp. 95–98.
- Wegren S.K. (2012) Vstuplenie Rossii v VTO: posledstviya dlya sel'skogo khozyaistva / Per. s angl. I.V. Trotsuk [Russia's Entry into WTO: Consequences for Agriculture / Transl. from English by I.V. Trotsuk]. *Krest'yanovedenie: Teoriya. Istoriya. Sovremennost'*. *Uchenye zapiski* [Peasant Studies: Theory. History. Modern Age. Scholarly Notes. Issue 8. Eds. T. Shanin, A. Nikulin, M. Pugacheva], Moscow: MVShSEN.